
З.Ю. Метлицкая

ЯЗЫЧНИКИ И ЯЗЫЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ В ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОМ ПЕРЕВОДЕ «ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ ПРОТИВ ЯЗЫЧНИКОВ» ПАВЛА ОРОЗИЯ

В статье рассматриваются изменения, которые претерпел образ языческого прошлого в древнеанглийском переводе «Всемирной истории против язычников» Павла Орозия по сравнению с латинским оригиналом. Высказано предположение, что, перерабатывая структуру текста и смещая акценты, англо-саксонский переводчик ориентировался не только на ранне-средневековые богословские или политические концепции, как считалось до сих пор, но и на современные ему исторические реалии. Самой животрепещущей темой для английского короля и для всего «народа англов» были викингские нашествия, а самой насущной необходимостью – борьба с ними. Многие внесенные в перевод изменения можно связать с желанием донести до предполагаемых адресатов мысли и образы, которые могли объединить и воодушевить их в ситуации, когда им приходилось вести непрекращавшуюся войну за выживание.

Ключевые слова: Англо-Саксонская Англия, король Альфред Великий, историческое сознание, древнеанглийский перевод «Всемирной истории против язычников» Орозия.

Древнеанглийский перевод «Всемирной истории против язычников» Павла Орозия относится к группе так называемых «альфредовских переводов», созданных предположительно в конце IX века при дворе уэссекского короля Альфреда Великого. Текст сохранился в двух относительно полных рукописях и двух фрагментах, детальное описание которых содержится в академическом издании, подготовленном для «Early English Text Society» известной английской исследовательницей Дженет Бейтли (Bately 1980)¹.

Рукопись «L» (которую называют также рукописью Лаудердейла или рукописью Толлемаха) (London, British Library, Addition-

¹ Новое издание древнеанглийского текста с переводом и комментариями, подготовленное Малкольмом Годденом, вышло в свет в октябре 2016 г. (Godden 2016). К сожалению, я пока не имела возможности с ним ознакомиться.

al 47967) написана (за исключением нескольких поправок и маргиналий более позднего периода) в первой половине X в. одним почерком, который Бейтли идентифицирует как почерк «второго писца» рукописи «А» Англо-Саксонской хроники. На этом основании происхождение рукописи связывают с Винчестером, но первые упоминания о ней относятся к концу XVII века, когда она находилась в библиотеке герцога Лаудердейла.

Рукопись «С» (Коттоновская рукопись) (London, British Library, Cotton Tiberius B.i) включает в себя, помимо древнеанглийского перевода Орозия, ритмический календарь, гномические стихи и рукопись «С» Англо-Саксонской хроники. Текст древнеанглийского перевода Орозия написан четырьмя почерками середины XI в. Имеются также маргиналии антиквария Роберта Тальбота, который был первым известным владельцем рукописи.

Рукопись «В» [Oxford, Bodleian Library, Eng. hist. e. 49 30481]) представляет собой два листа, содержащие главы 3–5 и 7–9 третьей книги. Датируется серединой XI в. Эти листы ранее были использованы на переплет и происхождение их неизвестно.

Рукопись «V» (Vatican City, Reg. Lat. 497. F. 71) представляет собой один лист, датируемый серединой XI в. и содержащий текст 11 главы четвертой книги. Он находился в Трире в конце XI в. и был использован как палимпсест, так что в настоящее время от текста древнеанглийского Орозия сохранилось только 13 строк на оборотной стороне листа.

В рукописях «L» и «C» присутствует также перечень глав с заголовками; в рукописи «L» оглавление всех шести книг помещено перед первой книгой, в рукописи «C», помимо этого общего оглавления, повторены перечни глав пятой книги (после окончания четвертой) и шестой книги (соответственно, после окончания пятой).

Как и другие «альфредовские переводы», древнеанглийский перевод Орозия представляет собой свободный пересказ латинского текста, с существенными пропусками и дополнениями (самая известная из вставок – рассказ норвежца Охтхере и другого мореплавателя по имени Вульфстан, поведавших якобы королю Альфреду о своих путешествиях).

В издании Дж. Бейтли имеются детальные комментарии, указывающие на возможные источники, которыми пользовался англо-саксонский переводчик, перерабатывая текст Орозия. Перечень авторов поражает своим объемом и разнообразием: Саллюстий, Ливий, Овидий, Флор, Плиний Старший, Валерий

Максим, Квинт Курций Руф, Фронтин, Светоний, Фест, Юстин, Лактанций, Юлий Валерий, Сервий, Евтропий, Иероним, Августин, Исидор и др. Широта кругозора неизвестного нам англо-саксонского книжника может вызвать удивление, особенно с учетом того, что при переводе он допускает ошибки, свидетельствующие о весьма смутном знакомстве с античными реалиями. Однако в недавно опубликованной статье ведущего современного исследователя «альфредовских переводов» Малкольма Годдена (Godden 2011) дано исчерпывающее, на мой взгляд, объяснение этого парадокса. Гипотеза Годдена состоит в том, что автор древнеанглийского Орозия пользовался глоссированной латинской рукописью (или рукописями) континентального происхождения, скорее всего – из Восточнофранкского королевства, или неким собранием глосс к Орозиу². Наличие или отсутствие в распоряжении переводчика глосс к определенным фрагментам, безусловно, могло повлиять на структуру древнеанглийского текста и при ее анализе данное обстоятельство следует учитывать. К этой теме я еще вернусь ниже.

Легендарная традиция, восходящая еще к англо-саксонским временам³, приписывает авторство всех «альфредовских переводов» самому королю Альфреду Великому, что сыграло до определенной степени роковую роль в историографической судьбе этих текстов. В течение XIX – первой половины XX в. проблема доказательства или опровержения королевского авторства почти безраздельно владела умами исследователей, которые разными способами пытались выделить среди «альфредовских переводов» группы текстов, созданных одним автором⁴. Если говорить непосредственно о древнеанглийском переводе сочинения Орозия, самой популярной темой при изучении этого текста был анализ «географического введения»⁵ и его наиболее

² Одно из таких собраний глосс дошло до нас в рукописи IX в. из монастыря Сен-Галлен (St. Gallen, Stiftsbibliothek, Cod. 299).

³ Первое свидетельство о том, что король Альфред переводил латинские книги на английский язык, принадлежит англо-саксонскому книжнику Эльфрику (ок. 955 – ок. 1010), но конкретно он называет только перевод «Церковной истории народа англов» Беда Достопочтенного. Эльфрик упоминает об альфредовских переводах дважды в древнеанглийском вступлении к первой серии «Гомилий» и в «Житии св. Григория Великого».

⁴ Наиболее значимые современные работы на эту тему: Bately 2003; 2009; Godden 2007; Pratt 2009.

⁵ Оригинальный текст Орозия начинается с описания известной ему ойкумены (I.1–2).

интересного фрагмента – рассказа путешественников Охтхере и Вульфстана⁶.

Между тем в настоящее время представляется более перспективным оставить в стороне неразрешимый вопрос об авторстве и обратиться к содержанию текста, рассматривая его как произведение, отражающее до определенной степени историческое и религиозное сознание англо-саксонского общества рубежа IX–X вв. В последние десятилетия такие работы начинают появляться (Kretzschmar 1987; Harris 2001; Irvine 2003; и пр.), и в данной статье представлены некоторые результаты моих попыток двигаться в том же направлении.

«Всемирная история против язычников в семи книгах» была написана в начале V в. Ее автор, «пресвитер» Павел Орозий, посвятил свое произведение Августину Гиппонийскому, по просьбе которого, как указывает Орозий в прологе, он и начал работу над книгой. Шесть из семи книг «Всемирной истории против язычников» повествуют о языческом прошлом и только последняя – седьмая – о христианской эпохе (от рождения Христа до правления императора Гонория). В историографии это произведение традиционно рассматривают как своего рода «историческую иллюстрацию» к сочинению Августина «О граде Божьем»⁷. Оба сочинения представляли собой полемику с мнением, что причиной разорения Рима Аларихом в 410 г. и других бедствий «вечного города» и империи является забвение древних богов и принятие христианства. Но если Августин строил свои полемические аргументы на доказательстве несостоятельности римской религии, то Орозий стремился показать, что «былые времена», о которых скорбят его воображаемые оппоненты, на самом деле были существенно хуже, чем их нынешнее настоящее, и никоим образом не годятся на роль «золотого века». Для доказательства этого тезиса Орозий описывал всю человеческую историю до воплощения Христа как бесконечную череду бедствий, неудач и преступлений, либо совершавшихся по воле людей, либо ниспосланных как кара свыше. Повествуя об известных ему (реальных или легендарных) исто-

⁶ В Waite 2000, в разделе, посвященном древнеанглийскому переводу Орозия, перечислена 141 публикация, причем 91 посвящена «географическому введению» и только в 50 рассматривается текст в целом.

⁷ В настоящее время, однако, подобная интерпретация не считается бесспорной. В ряде работ подчеркиваются различия воззрений и подходов Августина и Орозия. См.: Van Nuffen 2012. P. 2–24.

рических событиях, Орозий не жалел черных красок – тем более счастливыми, по его мнению, должны были казаться на этом фоне христианские времена, когда молитвы верующих могут смягчить Божий гнев и отвести справедливое наказание.

Одновременно с этим языческое прошлое (в соответствии с христианскими представлениями о «божественном плане спасения» павшего человечества) представлено у Орозия не только как время бедствий и человеческих пороков, но и как предуготовление пришествия Христа. В связи с этой идеей Орозий апеллирует не только к библейской истории, из которой он упоминает лишь грехопадение, потоп, историю Иосифа в Египте и исход, но в основном к концепции «четырех царств» (*regnum*) – Вавилона, Македонии, Карфагена и Рима⁸. Орозий неоднократно подчеркивает, что Рим достиг могущества по Божьей воле, в соответствии с божественным планом «перехода владычества»⁹ от одного царства к другому, потому что именно в Римской империи суждено было родиться Христу. Однако Рим не закончил существование в отведенный ему срок, как другие «царства», поскольку его правители приняли христианство.

Как и в случае с другими «альфредовскими переводами», одна из первых проблем, которая встает перед исследователем, это вопрос о том, почему именно данный текст был выбран для перевода. До 1980-х годов преобладающей (и фактически единственной) точкой зрения на этот счет являлось мнение, что сочинение Орозия было избрано потому, что оно представляет собой авторитетный патристический текст, в котором представлен христианский взгляд на историю. В наиболее полном и законченном виде эта гипотеза была сформулирована и аргументирована в работах Дж. Бейтли. Во вступительной статье к своему изданию она пишет: «В результате этих изменений [внесенных англо-саксонским переводчиком. – З.М.] полемический трактат Орозия, использующий исторический материал, превратился в изложение всемирной истории с христианской точки зрения» (Bately 1980. P. xciii). По мнению Бейтли, «христианский взгляд

⁸ Его концепция представляет собой одну из первых вариаций на тему чрезвычайно популярной в Средневековье и в последующие эпохи идеи *translatio imperii* («перехода владычества»), восходящей, как считается, к истории о переселении троянцев в Италию в «Энеиде» Вергилия и символическому образу четырех царств в книге пророка Даниила (Дан. 7).

⁹ См. примеч. 8.

на историю» заключается в представлении о том, что история вершится по воле Божественного Провидения и в ней есть место милосердию. Как сказано в другой работе исследовательницы, «если переводчик излишне вольно обращается с датами, искажает и путает фактические сведения или вовсе противоречит им, то это происходит потому, что самое важное для него – нарисовать всеобъемлющую картину божественного присутствия в исторических событиях» (Bately 2000. P. 12). И далее Бейтли добавляет: «Хотя в центре внимания у Орозия находятся несчастья и преступления, для переводчика ключом ко всему повествованию является рождение Христа, что позволяет ему увидеть больше хорошего и во временах, и в людях до Рождества Христова, и больше проявлений Божественного милосердия во временах после Воплощения» (Ibid. P. 18–19).

В последние несколько десятилетий были сформулированы два альтернативных ответа на вопрос о том, почему именно сочинение Орозия было выбрано для перевода в рамках «альфредовского просветительского проекта». Простейший вариант заключается в том, что книги «Истории против язычников», как и «Утешение философией» Боэция, в Средние века использовались в качестве «школьных» текстов при изучении латыни и их выбрали просто потому, что они были хорошо известны и имелись под рукой.

Другая версия связана с активно развиваемой рядом исследователей идеей о том, что произведения, созданные в период правления Альфреда Великого, в том числе Англо-Саксонская хроника и «альфредовские переводы», представляют собой образцы «королевской пропаганды» и должны были транслировать обществу определенные идеи касательно королевского статуса и королевской власти. По мнению сторонников такого подхода, наибольший интерес для англо-саксонского переводчика Орозия или для его «заказчика» представляла концепция «перехода владычества» от одного царства к другому согласно Божественному плану, что дало возможность прочитать текст как размышление о природе власти, весьма актуальное в контексте королевской пропаганды. Так, Уильям Крецшмар (Kretzschmar 1987) считает, что переводчик мог (неявно) иметь в виду идею о передаче владычества от римских императоров к англо-саксонским королям. По мнению Стефана Харриса (Harris 2001), «тематическом центром альфредовской “Всемирной истории” является концепция христианского мира и христианского властителя... В ней фактически

опущено предложенное Орозием объяснение исторической роли Христа в возвышении Рима, зато подчеркивается осязаемая связь между хорошим христианским королем и процветанием его народа в христианском мире... Римское прошлое во «Всемирной истории» призвано подтвердить превосходство вождей христианского мира над язычниками» (Harris 2001. P. 101). В недавно вышедшей статье Фрэнсиса Ленегана (Leneghan 2015) и вовсе говорится, что целью англо-саксонского переводчика было показать закономерность перехода власти над Британией к династии Уэссекса в лице благочестивого христианского короля Альфреда.

Признавая, бесспорно, справедливость большинства упомянутых выше предположений и вытекающих из них интерпретаций древнеанглийского перевода Орозия, я, тем не менее, хотела бы отметить, что ни одна из них не объясняет исчерпывающе всех особенностей текста.

Что касается версии о том, что «Всемирная история против язычников» была широко известна как хрестоматийный «школьный» текст, то, на мой взгляд, имеющиеся в нашем распоряжении данные не позволяют говорить о том, что в англо-саксонский период она была популярна в Англии в той же мере, что в Европе. Согласно данным, приведенным в статье М. Годдена (Godden 2011. P. 303), до нас дошло около 50-ти континентальных рукописей «Всемирной истории» Орозия, датируемых периодом до 1100 г.; 17 из них созданы ранее 900 г. В то же время из семи рукописей и фрагментов, содержащих полный текст или выдержки из латинского текста Орозия, упомянутых в каталоге Г. Гнейса (Gneuss 2001), только одна бесспорно может быть соотнесена с англо-саксонской Англией – речь идет о фрагменте нортумбрийской рукописи VIII в., находящемся сейчас в библиотеке Дюссельдорфа. Еще один фрагмент, хранящийся в кафедральном соборе Эксетера, датируется серединой X в., но, предположительно, попал в Англию из Северной Франции. Остальные пять рукописей и фрагментов датируются второй половиной XI в. и вполне могли быть созданы уже после Нормандского завоевания. Разумеется, сохранность рукописей – показатель отчасти случайный, но не стоит полностью сбрасывать его со счетов. Для сравнения: из 80 рукописей «Утешения философией» Боэция, датируемых периодом до 1100 г., 16 созданы в Англии.

Если же говорить о древнеанглийском переводе Орозия как о попытке изложения всемирной истории с христианской точки

зрения или как о сочинении, трактующем проблему королевской власти в дохристианскую и христианскую эпоху, то трансформации, которым подверглась структура книги, требуют дополнительного разъяснения.

Англо-саксонский переводчик следует более или менее точно повествованию латинского оригинала вплоть до конца четвертой книги, т.е. исторически – до конца Пунических войн (история которых изложена чрезвычайно подробно) и разрушения Карфагена. Пятая, шестая и седьмая книги подверглись радикальному сокращению. В частности, переводчик пропускает практически полностью описание гражданских войн в Риме и Югуртинской войны, сокращает историю военных походов, возвышения и гибели Юлия Цезаря до нескольких абзацев, а историю митридатовых войн, которой Орозий посвятил шесть глав, сводит к трем фразам: «Тогда начал Помпей войну с парфянами, поскольку Митридат, их король, вторгся в Малую Азию и во все земли Греции. И Помпей повсюду заставил его отступить и изгнал его из Армении, и преследовал его, пока его другие люди не убили и не заставили Архала, его воеводу, стать его данником»¹⁰.

Мало того, в древнеанглийском тексте сохранена лишь очень малая часть от описания истории правления Октавиана Августа, крайне важной с точки зрения провиденциалистской концепции Орозия. Существенная часть седьмой книги¹¹ (в которой излагается история Римской империи после пришествия Христа) в древнеанглийском переводе напоминает краткую летопись – в ней просто перечисляются имена императоров с минимальными сведениями об их правлении.

В контексте двух означенных выше гипотез подобное изменение структуры книги кажется неоправданным, поскольку ни с точки зрения христианской трактовки истории, ни с точки зрения идеи королевской власти войны Рима с Карфагеном не имеют никакого преимущества перед походами Юлия Цезаря, а войны афинян со спартанцами – перед митридатовыми войнами. Еще более непонятным является радикальное сокращение именно той части книги, которая

¹⁰ Bately 1980. P. 125: *Pa underfeng Pompeius Partha gewin, for þon Metreþatis heora cyning teah him to þa læssan Asiam and eall Creca lond. Ac hiene Pompeius of eallum þam londe afliemde and hiene bedraf on Armenie and him æfterfylgende wæs, of hiene ofþre menofslogan and geniedde Archalaus þone latteow þæt he wæs his underþeow.*

¹¹ В древнеанглийском переводе она в результате сокращений стала шестой.

относится к христианской эпохе. Наличие или отсутствие дополнительных материалов (глосс к латинским рукописям) могло вызвать смещение акцентов, но едва ли могло повлиять на решение пропустить тот или иной фрагмент. Очевидная несообразность (с нашей точки зрения) структуры книги порождала упреки в адрес переводчика со стороны некоторых исследователей, обвинявших его в небрежности и неумении выстроить повествование.

Я попробую далее предложить свое объяснение сказанному, но пока следует обратиться, собственно, к вопросу о представлении язычников и языческого прошлого у самого Орозия и в древнеанглийском переводе.

Орозий, как уже было сказано, описывает дохристианское прошлое как непрерывную череду войн и стихийных бедствий, которые являются либо непосредственным следствием человеческих грехов, либо наказанием за совершенные грехи. Он пользуется любой возможностью, чтобы подчеркнуть плачевные итоги даже великих деяний и упомянуть преступления, совершенные прославленными героями.

Англо-саксонский переводчик, рассказывая о дохристианском прошлом, переносит акцент с ужасающего состояния мира на мужественные (хотя в большинстве случаев безнадежные) попытки людей выжить и действовать в этом мире. Он опускает, в частности, бóльшую часть негативных оценочных эпитетов, используемых Орозием, сохраняя при этом описание событий, что создает более «жизнеутверждающий» образ языческой эпохи. Например, сообщая о рождении Александра Македонского, Орозий пишет (III.7.5):

В те же дни родился Александр Великий, эта настоящая пучина несчастий и смертоноснейший смерч всего Востока¹² (Орозий 2001. С. 296).

В древнеанглийском переводе сказано:

В те дни Александр родился в Греции, так словно буря пронеслась по всему срединному миру¹³.

¹² Орозий 2001. С. 92: *Quibus diebus etiam Alexander Magnus, uere ille gurgis miseriarum atque atrocissimus turbo totius orientis, est natus.*

¹³ Bately 1980. P. 58: *On þæm dagum wæs Alexander geboren on Crecum swa swa an micel yst come ofer ealne middangeard.*

Весьма показателен также рассказ Орозия о нашествии галлов на Рим в 388 году от основания города (III. 6. 1–4):

В 388 год от основания Города близ реки Аниен вновь нахлынуло *ужасное наводнение* галлов, [достигшее] четвертого милевого камня от Города; оно, без сомнения, благодаря массе многочисленной армии и подъему доблести, без труда заполнило бы смятенный город, если бы из-за *праздности и вялости* не застыло бы на подходе к нему. В то время как Манлий Торкват в одиночку начал там *ужаснейшую* битву, диктатор Т. Квинций завершил ее *кровавейшим* побоищем. Многочисленные галлы, бежавшие с этой сечи, вновь, собравшись с силами, устремившиеся в битву, были повержены диктатором Г. Сульпицием. Спустя же совсем немного времени под руководством Г. Марция произошла битва с этрусками: можно представить, сколько человек там было убито, если было захвачено в плен восемь тысяч этрусков. И в третий раз за те же дни галлы в жажде грабежей разлились от Альбанских гор по приморским районам и прилегающим полям; когда был проведен новый воинский набор и когда было составлено десять легионов, против них выступило шестьдесят тысяч римлян, в то время как латиняне отказали им в помощи. Начал эту битву М. Валерий при помощи птицы ворона, отчего впоследствии он звался Корвин; когда был повержен бросивший вызов галл, испуганные и бегущие в разные стороны враги были жестоко перебиты¹⁴ (Орозий 2001. С. 293–294; курсив здесь и далее всюду мой. – З.М.).

В древнеанглийском переводе от этого фрагмента остается следующее:

Через три сотни и 88 лет после строительства Рима галлы разорили римские земли, приблизившись на расстояние 4 миль к городу, и легко

¹⁴ Орозий 2001. С. 91: Anno ab urbe condita CCCLXXXVIII iterum terribilis Gallorum inundatio iuxta Anienem fluium ad quartum ab urbe lapidem cecidit, facile sine dubio pondere multitudinis et alacritate uirtutis perturbatam occupata ciuitatem, nisi otio et lentitudine torpuisset. ubi atrocissimam pugnam Manlius Torquatus singulariter inchoauit, T. Quintius dictator cruentissima congressione confecit. fugati ex hoc proelio plurimi Galli, instauratis iterum copiis in bellum ruentes a C. Sulpicio dictatore superati sunt. post paululum quoque Tuscorum pugna sub C. Marcio consecuta est: ubi conici datur quantum hominum caesum sit, quando octo milia sunt capta Tuscorum. Tertio autem in isdem diebus Galli se in praedam per maritima loca subiectosque campos ab Albanis montibus diffuderunt; aduersum quos, nouo militum dilectu habito conscriptisque legionibus decem, LX milia Romanorum, negatis sibi Latinorum auxilii, processerunt. confecit hanc pugnam M. Valerius, auxiliante coruo alite, unde postea Coruinus est dictus. occiso enim prouocatore Gallo, hostes territi sparsimque fugientes grauius trucidati sunt.

могли бы его захватить, если бы им хватило решимости, ибо римляне были так испуганы и так растеряны, что не надеялись защитить город. Но на рассвете их воевода Тит, чье второе имя было Квинтий, отправился навстречу галлам с войском. Там сражался некий Малий, чье второе имя было Таркват, с одним галльским мужем и его убил; и Тит Квинтий других обратил в бегство или убил. Несколько тысяч галлов было захвачено и из этого можно понять, скольких же там убили¹⁵.

Кроме того, переводчик регулярно опускает присутствующие у Орозия скабрзные детали и упоминания об отвратительных событиях: кровосмешениях, жестоких и немотивированных убийствах, однополых связях и пр. Так, пропущены упоминания о том, что Фабий Цензорий убил собственного сына, обвиненного в краже (IV.13.17–18), о принесении в жертву гермафродита (V.4.8), о кровосмесительных связях Птолемея (V.10.6–7) и пр. В тех случаях, когда переводчик сохраняет «неприятные» описания, он старается свести детали к минимуму. Например, Орозий пишет (I.12.3–6):

Также не следует мне приводить здесь постыдные деяния Тантала и Пелопа и еще более постыдными образом захватил Ганимеда, сына Троя, царя дарданцев, удерживал его с еще более великой мерзостью взаимных соитий, как утверждает поэт Фанокл, который упоминает, что из-за этого разгорелась великая война; кроме того, он утверждает, что поскольку тот самый Тантал — а он ведь слыл приспешником богов — готовил похищения детей для услад Юпитера, занимаясь сводничеством, то не дрогнул преподнести ему в пищу даже своего сына Пелопа. Мне отвратительно пересказывать жестокие сражения того Пелопа против Дардана и троянцев, о которых еще неприятнее слушать, ибо они многократно изложены в баснях¹⁶ (Орозий 2001. С. 188–189).

¹⁵ Bately 1980. P. 57: *Æfter þam þe Romenburg getimbred wæs iii hund wintra and lxxxviii, þætte Gallie oferhergedan Romana lond of þiii mila to þære byrig and þa burh mehton eaþe begitan gif hie þær ne gewacadon, for þon Romane wæron swa forhte and swa æmode þæt hie ne wendon þæt hie þa burg bewerian mehton. Ac þæs on morgenne Titus heora ladteow, þe oþre noman wæs haten Quintius, hie mid fierde gesohte. Þær gefeahþ Mallius anwig, þe oþre noman wæs haten Tarcwatus, wiþ anne Galliscne monn and hiene ofslóg; and Titus Cuintius þa oþre sume gefliemde, sume ofslóg. Be þam mon mehte ongietan hwæt þær ofslagen wæs, þa heora fela þusenda gefongen wæs.*

¹⁶ Орозий 2001. С. 46: *Nec mihi nunc enumerare opus est Tantalí et Pelopis facta turpia, fabulas turpiores. quorum Tantalus rex Frygiorum Ganymedem, Troi Dardaniorem regis filium, cum flagitiosissime rapuisset, maiore conserti certaminis foeditate detinuit, sicut Fanocles poeta confirmat, qui maximum bellum excitatum ob hoc fuisse commemorat; siue quia hunc ipsum Tantalum utpote adseculam deorum uideri uult*

В древнеанглийском тексте в этом месте сказано:

Я хочу также умолчать о постыдной истории Тонтола и Филопа и о том, как много бесчестных войн Тонтол вел после того как стал королем, и о мальчике, которого он силой захватил – Ганимеде, и как он своего собственного сына своим богам в жертву принес и сам его после этого в пищу приготовил. Также мне будет неприятно рассказывать о Филопе и Тардане и их войне с троянцами, поскольку в историях и песнях их война известна¹⁷.

Описывая языческое прошлое, Орозий также неоднократно упоминает о разного рода стихийных бедствиях – наводнениях, извержениях вулканов, эпидемиях, засухе и пр. Из 53 упоминаний о подобных событиях, присутствующих в первых шести книгах у Орозия, в древнеанглийском тексте сохранены 48. Однако в ряде случаев англо-саксонский переводчик меняет акценты и иногда даже последовательность событий, чтобы представить природные катаклизмы как знамения, т.е. *предупреждения*, адресованные людям, в то время как Орозий часто склонен рассматривать их как проявление естественного для дохристианского мира порядка вещей.

В одном случае древнеанглийский текст даже входит в прямое противоречие с тем, что написано у Орозия. В латинском оригинале сказано (IV.1.16–18):

Между тем римское войско, после того как, побежденное, скрытно бежало из лагеря, ясно увидело достойное сожаления бедствие войны, усиливаемое и приумножаемое благодаря весьма суровым знамениям. Ибо фуражиров, случайно оказавшихся впереди, зловещими молниями, словно противник, сжег разразившийся вдруг ураган, сопровождаемый ужасающим небесным громом. При этом тот самый смерч уничтожил тридцать четыре человека, двадцать два были полумертвы, выючные животные убиты, многие же унесены, так что заслужено

raptum puerum ad libidinem Iouis familiari lenocinio praeeparasse, qui ipsum quoque filium Pelopem epulis eius non dubitaret inpendere. taedet etiam ipsius Pelopis contra Dardanum atque Troianos quamlibet magna referre certamina, quae quia in fabulis celebrari solita sunt, neglegentius audiuntur.

¹⁷ Bately 1980. P. 27: Eac ic wille geswigian Tontolis and Philopes þara scondlicestena spella; hu manega bismerlica gewin Tontolus fremede syþþan he cyningc wæs; ymb þone cniht þe he neadinga genam Ganemepis; and hu he his agene sunu his godum to blote acwealde and hine him sylf siþþan to mete gegyrede. Eac me sceal aþreotan ymbe Philopes and ymbe Tardanus and ymb ealra þara Troiana gewin to asecgenne, for þon on spellum and on leorþum hiora gewin cuþe sindon.

считается, что *этот ураган явился не знаком грядущего разорения, но собственно разорением*¹⁸ (Орозий 2002. С. 11–12).

В древнеанглийском переводе говорится:

Был также явлен римлянам перед той битвой, во время похода, *дурной знак, что будет войску жестокое поражение: тогда гроза убила двадцать четыре пеших воина, а другие ушли раненные*¹⁹.

Англо-саксонский переводчик передает относительно точно идею Орозия о четырех царствах, которые, сменяя друг друга, получали свое могущество от Бога и утрачивали его в свой срок по воле Провидения. Важным элементом этой концепции у Орозия является сопоставление судьбы Вавилона и Рима, и именно здесь присутствует небольшое, но значимое отличие. Орозий пишет (II.3.6–7):

Так вот, и у Вавилона, и у Рима было сходное возникновение, сходное влияние, сходное могущество, сходные времена, сходные блага, сходные несчастья, но все же не был одинаков их исход и упадок... Почему же так? Потому что там в царе была наказана невоздержанность страстей, здесь в царе пребывало непрерывнейшее благочестие христианской религии...²⁰ (Орозий 2001. С. 215).

В древнеанглийском переводе этого фрагмента сказано:

Как похожи начала двух городов, и как сходны были их дни, и в добре, и во зле! Но концы их держав (*anwalda*) совершенно различны, ибо Вавилон и короли его в многочисленных преступлениях и греховных же-

¹⁸ Орозий 2002. С. 204: *Interea Romanus exercitus, postquam uictus clam fugit e castris, miserabilem belli cladem grauioribus monstris auctam accumulataque persensit. nam pabulatores forte progressos uelut hostilis quaedam oborta tempestat cum horribili fragore caeli correptos diris fulminibus exussit. quippe XXX et III eorum idem turbo prostrauit; duo et uiginti semineces relictis, iumenta exanimata et capta conplurima: ut merito contigisse non in signum uastationis futurae sed uastatio ipsa referatur.*

¹⁹ Bately 1980. P. 85: *Ʒæt wearƷ eac Romanum an yfelum tacne opiewed ær Ʒam gefeohte, Ʒa hie on firde wæron, Ʒæt Ʒæs folces sceolde micel hryre beon, Ʒa punor ofslog xxiiii heora fodrera and Ʒa oþre gebrocade aweƷ coman.*

²⁰ Орозий 2001. С. 58: *Ecce similis Babyloniae ortus et Romae, similis potentia, similis magnitudo, similia tempora, similia bona, similia mala; tam en non similis exitus similisue defectus. illa enim regnum amisit, haec retinet; illa interfectione regis orbata, haec incolumi imperatore secunda est. Et hoc quare? quoniam ibi in rege libidinum turpitudine punita, hic Christianae religionis continentissima aequitas in rege seruata est; ibi absque religionis reuerentia auuditatem uoluptatis licentia furoris impleuit, hic et Christiani fuere, qui parcerent, et Christiani, quibus parcerent, et Christiani, propter quorum memoriam et in quorum memoria parceretur.*

ланиях без покаяния жили, и не хотели исправиться, пока Бог не предал их большому позору, так что они и королей своих, и державу свою утратили. А римляне и их христианские короли Богу служили, и за это он им позволил (сохранить) и их королей, и их владения²¹.

Как видно из приведенных цитат, Орозий подчеркивает греховность и испорченность человеческой природы, которую в языческом мире *невозможно* превозмочь и исправить, англо-саксонский же переводчик предполагает возможность покаяния и достойного поведения в том числе и для язычников²².

Возвращаясь к поставленному выше вопросу об изменениях в структуре книги, я отважусь высказать предположение, что возможным объяснением существенных сокращений, которым подверглись три последние книги «Истории против язычников», может быть то, что для англо-саксонского переводчика не представляла большого интереса история Римской империи – ни в момент ее возникновения и расцвета, ни потом – в ее христианской ипостаси. Его внимание в существенно большей степени привлекала борьба римлян за существование их города и их *anweald*.

В тот момент Уэссекс – королевство Альфреда, окруженный со всех сторон землями, где хозяйничали викинги, и морями, откуда они приплывали, отчаянно боролся за собственное выживание. Самой животрепещущей темой для английского короля и для всего «народа англов» было не его гипотетическое или реальное право на «имперскую» власть, а викингские нашествия, а самой насущной необходимостью – борьба с ними. Об этом наглядно свидетельствуют записи Англо-Саксонской хроники, составленной в это же время. Связь «альфредовского проекта»

²¹ Bately 1980. P. 38: Hu gelice onginn þa twa byrg hæfdon, ond hu gelice heora dagas wæron, ægþer ge on gode ge on þæm yfele! Ac hiora anwalda endas wæron wiþe ungelice; for þon þe Babylonie mid monigfealdum unryhtum ond firenlystum mid heora cyninge buton ælcra hreowe libbende wæran, þæt hie hit ne gebetan noldon ær þon hie God mid þæm mæstan bismere geeafmedde, þa he hie ægbres benam ge heora cyninges ge heora anwaldes. Ac Romane mid hiora cristan cyninge Gode þeowiende wæron, þætte he him for þæm ægbres geuþe, ge hiora cyninges ge heora anwaldes.

²² Отступая в сторону, можно отметить, что Орозий, описывая безнадежно греховное состояние человека в дохристианскую эпоху, следовал богословской концепции Августина, настаивавшего, в частности в рамках полемики с Пелагием, на совершенной невозможности для человека преодолеть стремление к греху своими силами. Раннесредневековые христианские авторы, начиная с Григория Великого, стояли на более мягких позициях, что давало повод потом протестантским богословам обвинять раннесредневековую церковь в «полу-пелагианстве».

с желанием донести до предполагаемых адресатов этих текстов определенные мысли и образы, которые могут объединить и воодушевить их в ситуации непрекращающихся войн и непрочных перемирий, нигде не выражена эксплицитно, но это еще не означает, что подобной связи нет (см. также: Метлицкая 2013).

Четвертая книга заканчивается рассказом о разрушении Карфагена и рассуждением Орозия о том, какое значение имело это событие для истории Рима (IV.23.9–10):

Но ведь в то время как одни римляне ради неизменной безмятежности Рима выступали за то, чтобы разрушить Карфаген, другие же ради сохранения навеки римской доблести, каковую они могли бы подпитывать, постоянно наблюдая за соперничающим с Римом городом, дабы римская мощь, постоянно укрепляемая в войнах, не обратилась из-за беззаботности и покоя в томную вялость, считали, что Карфаген должен быть сохранен невредимым: я нахожу причину, рожденную не обидой на карфагян, вызывающих раздражение, но переменчивым нравом впадавших в праздность римлян. Если это было так, то почему свое притушение и свою ржавчину, которой они покрылись снаружи и от которой разрушались изнутри, вменяют в вину христианским временам те, кто почти шестьсот лет назад, как если бы заранее увидели, что с ними произойдет, и, испугавшись, уничтожили Карфаген, тот великий точильный камень, придававший им блеск и остроту²³ (Орозий 2002. С. 101).

В древнеанглийском переводе этот фрагмент передан так:

Когда, на четвертый год после начала, закончилась третья война пунийцев и римлян, римляне долго обсуждали, разумнее ли тот город полностью разрушить, чтобы он никогда более мир не нарушал, или сохранить его, чтобы с ним опять начать войну, поскольку они боя-

²³ Орозий 2002. С. 243: *At uero, cum alii Romanorum propter perpetuam Romae securitatem delendam esse decernerent, alii uero propter perpetuam Romanae uirtutis curam, quam sibi semper ex suspicione aemulae urbis inpenderent, ne uigor Romanus bellis semper exercitus in languidam segnitium securitate atque otio solueretur, incolumem Carthaginem statui suo permittendam esse censerent: causam non ex iniuria lacessentum Carthaginensium sed ex inconstantia torpescentium Romanorum ortam inuenio. quod cum ita sit, cur Christianis temporibus imputant hebetationem ac robiginem suam, qua foris crassi, intus exesi sunt? qui porro ante sescentos fere annos, sicut sui prudentes timentesque praedixerant, cotem illam magnam splendoris et acuminis sui Carthaginem perdidit. Itaque finem uolumini faciam, ne forsitan conlidendo uehementius discussa ad tempus robigine ubi necessarium acumen elicere non possum, superuacuam asperitatem inueniam. quamquam obuiantem asperitatem nequaquam expauescerem, si interioris spem acuminis inuenirem.*

лись, что если они какое-то время не будут воевать, то вскоре станут слабыми и ленивыми. Так что вам, римлянам, говорит Орозий, теперь, после прихода христианства, было ясно показано, что вы вашу прежнюю доблесть забыли, и ваши победы, и вашу храбрость, ибо вы стали теперь снаружи толстые, а внутри тощие, а ваши предки были снаружи тощие, а внутри толстые, сильные душой и крепкие²⁴.

Складывается впечатление, что и сам Орозий, и англо-саксонский переводчик рассматривали окончание Пунических войн и разрушение Карфагена как конец (если можно так выразиться) героической эпохи в истории Рима. Тот факт, что, как упоминалось выше, в рукописи «С» перед пятой и шестой книгами вставлены отдельные оглавления, может означать, что в глазах составителей данного кодекса перевод первых четырех книг представлял собой единое целое, а пятая и шестая выглядели как некий эпилог.

Однако если у Орозия, полемизировавшего с «идеализацией» и «героизацией» римского прошлого, этот «героический век» представлен в черных красках, как эпоха войн, горестей и позорных деяний, в которую даже прославленные герои пятнают себя преступлениями, а все без исключения начинания приходят к жалкому концу, в древнеанглийском переводе языческое прошлое представлено иначе.

В отличие от оппонентов Орозия, читатели/слушатели англо-саксонского перевода продолжали жить в мире, где, несмотря на принятие христианства, древние воинские добродетели еще сохраняли свою актуальность – и в реальности, и в сознании людей. Их реальность вполне соответствовала традиционному германскому мифологическому образу пиршественного зала, озаренного светом, вокруг которого во тьме бродят чудовища.

Отношение к войнам, по крайней мере к войнам, которые вел Рим, у самого Орозия оказывается (возможно, не вполне осознанно) двойственным. С одной стороны, Орозий осуждает войну, как источник страданий и бедствий, если не для победителей, то для

²⁴ Bately 1980. P. 112–113: Romane hæfden ær longsum gemot ymb þæt, hwæþer him rædlice wære, þe hie þa burg mid ealle fordyden, þæt hie a siþþan on þa healfe friþ hæfdon, þe hi hie stonðan forleten, to þon þæt him gewin eft þonan onwoce, for þon þe hie ondredon, gif hie hwilum ne wunnen, þæt hie to raþe aslawoden ond aeagoden. Swa þæt eow Romanum nu eft cuþ wearþ, siþþan se cristendom wæs, cwæþ Orosius, þæt ge eowerra ieldrena hwetstan forluran eowerra gewinna and eowres hwætscipes, for þon ge sindon nu utan fætte ond innan hlæne, and eowre ieldran wæron utan hlæne ond innan fætte, stronges modes ond fæstes.

побежденных. Возможность мирного разрешения конфликта он представляет как одно из достижений христианской эпохи. В этом англо-саксонский переводчик Орозия не только следует за оригиналом, но даже во многих случаях развивает его мысль и придает ей дополнительный вес, порой вставляя соответствующие отсылки там, где у Орозия их нет. Для переводчика главными отличиями христианской эпохи от языческого прошлого оказываются возможность мирного решения конфликтов (на уровне народов и на уровне отдельных людей) и отсутствие страха (перед чужим деспотичным могуществом, перед жестокостью или предательством):

Разве случалось когда-нибудь в дохристианские времена, – пишет англо-саксонский автор, дополняя латинский текст, – чтобы какой-нибудь народ просил у другого мира, не будучи к этому принуждаем; и разве мог какой-нибудь народ заключить мир с другим – за золото, серебро, или другую собственность – иначе чем подчинившись ему?²⁵

За рассказом о войнах между бывшими сподвижниками Александра Македонского, в том месте, где у Орозия говорится о преимущество христианской клятвы на Евангелии перед клятвой на священной свинье, следует такое утверждение:

...очень стыдно нам сравнивать то, о чем мы сейчас говорили (т.е. эти войны. – *З.М.*), и то, что мы называем войной, когда чужаки к нам приходят, но почти ничего у нас не отнимают и вскоре нас покидают; и не хотим мы думать, каково это – когда человек не может у другого свою жизнь выкупить, и не числит родней ни братьев, ни отца, ни мать²⁶.

Таким образом, что касается языческих времен – для англо-саксонского переводчика они трудны, но не абсолютно темны. Это времена, в которых нет места таким важным вещам, как милосердие, божественная помощь и надежда, но Бог присутствует в истории. Примерно такое же языческое прошлое мы видим в «Беовульфе». А раз и в эти времена люди могли выстоять и со-

²⁵ Bately 1980. P. 31: ...hwær hit gewurde ær þam cristendome, þæt ænegu þeod oþre hiere willum friþes bæde, buton hiere þearf wære, oþþe hwær ænegu þeod æt oþþere mehte friþ begietan, oþþe mid golde, oþþe mid seolfre, oþþe mid ænige feo, buton he him underþiedd wære.

²⁶ Bately 1980. P. 83: ...hit is us nu swiþor gelic ... þæt we gewinn nu hataþ, þonne us fremde ond ellþeodge an becumaþ ond lytles hwæt on us bereafiaþ and us eft hrædlice forlætþ, ond nyllaþ gebencan hwelc hit þa wæs þa nan mon ne mehte æt oþrum his feorh gebycggan...

хранить достоинство, у реальных англо-саксов, живущих после пришествия Христа, тем более нет причин для отчаяния.

ЛИТЕРАТУРА

- Метлицкая З.Ю.* «Ворчливые римляне» и викингские нашествия: Цели создания и предполагаемая аудитория древнеанглийского перевода Орозия // Люди и тексты. Исторический альманах, 2012. М., 2013. С. 65–101.
- Орозий Павел.* История против язычников. Книги I–III / Пер. с лат., вступит. ст. и коммент. В.М. Тюленева. СПб., 2001.
- Орозий Павел.* История против язычников. Книги IV – V / Пер. с лат., вступит. ст. и коммент. В.М. Тюленева. СПб., 2002.
- Bately J.* The Literary Prose of King Alfred's Reign: Translation or Transformation // Old English Prose: basic readings. N.Y.; L., 2000. P. 3–28.
- Bately J.* The Alfredian Canon Revised: One Hundred Years On // Alfred the Great: Papers from the Eleventh-Centenary Conferences. Aldershot, 2003. P. 107–120.
- Bately J.* Did King Alfred Really Translate Anything // Medium Ævum. 2009. Vol. 78. P. 189–215.
- Gneuss H.* Handlist of Anglo-Saxon Manuscripts: a List of Manuscripts and Manuscript Fragments Written or Owned in England up to 1100. Tempe (Ar.), 2001.
- Godden M.* Did King Alfred Really Write Anything // Medium Ævum. 2007. Vol. 76. P. 1–23.
- Godden M.* Old English Orosius and its Sources // Anglia. 2011. Vol. 129. P. 297–320.
- Irvine S.* The Anglo-Saxon Chronicle and the Idea of Rome in Alfredian Literature // Alfred the Great: Papers from the Eleventh-Centenary Conferences. Aldershot, 2003. P. 63–78.
- Kretschmar W.* Adaptation and 'anweald' in the Old English Orosius // Anglo-Saxon England. 1987. Vol. 16. P. 127–145.
- Legenhan F.* Translatio imperii: the Old English Orosius and the Rise of Wessex // Anglia. 2015. Vol. 33. P. 656–706.
- Pratt D.* The Alfredian Project and its Aftermath: Rethinking the Literary History of the Ninth and Tenth Centuries // Proceedings of the British Academy. 2009. Vol. 162. P. 93–122.
- The Old English History of the World / Ed. and transl. by M. Godden. Cambridge (Mass.), 2016.
- The Old English Orosius / Ed. J. Bately. L.; Toronto; N.Y., 1980.
- Waite G.* Annotated Bibliographies of Old and Middle English Literature. Cambridge, 2000. Vol. 4: Old English prose translations of King Alfred's Reign.

HEATHENS AND THE HEATHEN PAST IN THE OLD ENGLISH
TRANSLATION OF PAULUS OROSIUS'S *HISTORIA ADVERSUS
PAGANOS*

According to the well-established scholarly opinion Orosius's work was chosen for translation in late 9th-century Wessex because it was a patristic text giving a specifically Christian view of the history; this work provided the translator with an opportunity to present to his readers/listeners the narrative of the world history from the Christian point of view. An alternative explanation of this choice is that Orosius's providential conception of the 'transition of the Empire' between four great kingdoms, as well as his idea that the rise of Rome was due to the Divine Plan of the preparation of the Incarnation, allowed the translator to read the text as a reflection on kingship and power, and to propose to the audience a piece of king's propaganda.

Nevertheless none of these versions can fully explain the radical changes made in the structure of the narrative. In particular, the Anglo-Saxon translator followed the Latin original fairly enough up to the end of the fourth book, but the fifth book, as well as the sixth and seventh, covering the Christian epoch, were dramatically abridged. There are also many minor changes, omissions and interpolations.

The comparison of the depictions of the heathen past and the heathens in Orosius's work and in its Anglo-Saxon translation may be useful for deeper understanding of the message of the Old English Orosius as a whole. In his dealing with the history of the pre-Christian past the Anglo-Saxon translator was keen not so much in the demonstration of the terrible state of the world, as in the description of brave (though much often desperate) efforts of men to survive and act in this world. So he was really interested neither in the early history of the Roman state, nor in its political history in Christian times, but in the struggle of Romans for the existence of their city, and their *anweald* (this Old English word that means something like 'sphere of power'). Such an interpretation was probably influenced in a great degree by the Anglo-Saxons' own perception of the pre-Christian past, particularly of their own past, which included the ideals of bravery and honesty in desperate situations.

The Christian world is better, not because the pre-Christian world was dark (as in it presented in the Latin original), but because in it good and steadfast people might hope to be victorious.

Thus retelling Orosius's stories of evils, wars, and calamities, which had been the mainstream of the human history from the ancient times, the translator communicated to real Anglo-Saxons the Christian reflections on the problem of the Vikings' invasions. He reminded that even before Christ there were many heroes who fought bravely to defend their land, notwithstanding the prospect of inevitable defeat. He also told, that in the Christian world there was a place for

mercy and hope, that calamities come and pass over, and people ought to be steadfast and enduring, for now there were no reasons for despair.

Key words: Alfred the Great, Anglo-Saxon England, “Alfredian translations”, Vikings invasions, Old English Orosius.